

УДК 81:(159.923+316.6)

Тумольская В.А.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИНТЕГРАЛЬНЫХ ТИПОВ. ЧАСТЬ 1.

Рассматривается гипотеза о связи языка и мышления, которая лежит в основе лингвистического подхода к определению интегрального типа этноса. Изучается концепт «судьба» в русской, английской и немецкой культурах с позиции лингвистического и соционического анализа.

Ключевые слова: соционика, модель А, интегральные типы информационного метаболизма, менталитет, язык, лингвистика, лексика, семантическое поле, концепт.

Тема интегральных типов информационного метаболизма (ИТИМов) исследовалась в соционике на протяжении многих лет, были разработаны базисные положения интегральной соционики, основы идентификации ИТИМов [1–6]. Однако практические аспекты интегральной соционики все еще нуждаются в развитии и детальной доработке. Школа системной соционики разрабатывает методику диагностики ИТИМов, основанную на лингвистическом анализе. В данной работе мы проанализируем основания методики и продемонстрируем ее эффективность.

Основания подхода

В теории интегральных ТИМов неоднократно высказывалось предположение, что ментальность как образ, способ мышления, мировосприятия народа является отражением интегрального ТИМа. Например, мы встречаем рассмотрение взаимосвязи ментальности и ИТИМа в работе А. В. Букалова «Украина и Россия с точки зрения соционики: стратегический диалог» [3]. Также об этом пишет В. Д. Ермак в статье «Модели информационного метаболизма психики в исследовании социетальной психики неслучайных групп» [4]:

«С точки зрения прикладной теории систем целеустремлённую, неслучайную группу можно рассматривать как «личность» более высокого таксономического уровня (по сравнению с составляющими группы), обладающую определённой ментальностью. У современных исследователей, знакомых с принципом информационного метаболизма психики... не вызывает сомнения информационная природа человеческой ментальности, а, следовательно, и того, что называют интеллектом. А если это так, то ментальность и интеллект можно моделировать».

Народный менталитет в свою очередь отражается в особенностях быта, истории, культуры, традиций, обычаев, а также в языке. Каждый язык имеет национальную специфику. На ее формирование оказывают влияние как природные условия, так и особенности мышления его носителей.

Глубокие семантические различия между языками отмечал Вильгельм фон Гумбольдт, который считал, что языки демонстрируют различные познавательные перспективы, взгляды на мир. Он как-то заметил, что мышление обусловлено не языком вообще, а особенностями каждого отдельного языка [7]. Подобной точки зрения придерживался Эдуард Сепир — американский лингвист и этнолог. Он писал:

«Языки очень неоднородны по характеру своей лексики. Различия, которые кажутся нам неизбежными, могут полностью игнорироваться языками, отражающими совершенно иной тип культуры, а эти последние, в свою очередь, могут проводить различия, непонятные для нас. В каждом языковом коллективе в ходе сложного исторического развития в качестве типичного, в качестве нормального устанавливается какой-то один образ мышления, особый тип реакции» [8].

Схожие мысли высказывал и другой американский лингвист, чьи работы повлияли на развитие этно- и психолингвистики, — Бенджамин Уорф:

«Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка. Это соглашение, разумеется, никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и тем не менее мы участники этого соглашения; мы вообще не сможем говорить, если только не подпишемся под систематизацией и классификацией материала, обусловленной указанным соглашением» [9].

Известный лингвист Анна Вежбицкая в своих исследованиях [10,11,12,13] обнаружила, что языки существенно различаются тщательностью разработки абстрактных семантических полей, например, таких как «дружба», «судьба», «эмоции» и др.

Дальнейшие исследования привели к открытию принципа «ключевых слов»:

«Некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры. Тщательно исследуя эти центральные точки, мы, возможно, будем в состоянии продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность культурной сфере в целом и часто имеющие объяснительную силу, которая распространяется на целый ряд областей. Эмпирический анализ различных языков мира говорит о том, что их словари полны «абсолютно чуждых нам понятий». Например, русские слова «душа» и «судьба» совершенно чужды англоязычному говорящему. Такие ключевые слова, как душа или судьба, в русском языке подобны свободному концу, который нам удалось найти в спутанном клубке шерсти; потянув за него, мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный «клубок» установок, ценностей и ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространённых сочетаниях, в грамматических конструкциях, в поговорках и т. д. Например, слово судьба приводит к другим словам, «связанным с судьбой», таким, как суждено, смирение, участь, жребий и рок, к таким сочетаниям, как удары судьбы, и к таким устойчивым выражениям, как ничего не поделаешь, к грамматическим конструкциям, таким, как всё изобилие безличных дативно-инфинитивных конструкций, весьма характерных для русского синтаксиса, к многочисленным поговоркам и так далее» [12].

Приведенные выше результаты исследований подтверждают гипотезу о связи языка и образа мышления народа. Это позволяет рассматривать язык и его особенности в качестве материала для анализа ИТИМа, что мы продемонстрируем в следующей главе.

Использование результатов лингвистического анализа в диагностике ИТИМов

Начнем с проведенного Анной Вежбицкой анализа концепта¹ «судьба» [15] (с соционической точки зрения он относится к аспекту Δ). Известно, что аналоги данного концепта присутствуют во многих культурах, однако детальное изучение показало разницу в восприятии и ценности данного концепта.

Концепт «судьба» в русском языке

В анализе ниже Вежбицкая отмечает рассмотрение жизни сквозь призму судьбы, свойственное русскому языку, ценностность данного понятия для русской культуры. Это свойственно первой (базовой) функции — аспект приравнивается к жизни, через него преломляется восприятие жизни [16, с. 378: **индикатор №40 «=Я, =жизни. Отождествление себя с данным**

¹ «Концепт — это объект из мира „Идеальное“, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире „Действительность“». Анна Вежбицкая [13].

Концепт в отличие от понятия не только мыслится, но и переживается. Из этого следует, что его объем шире объема понятия. Концепт включает в себя само понятие, являющееся в свою очередь его обязательным ядерным компонентом. Согласно В. И. Карасик, концепт состоит из трех компонентов — понятийного, образного и ценностного. [14]

аспектом, либо аспект приравнивается к жизни»]. Отсутствие жесткой фиксации, о котором говорится в последнем подчеркивании, может являться индикатором многомерности функции (способность выйти за рамки жестких норм, гибкость) [16, с. 375: **индикатор №36 «Отказ от „правильности“, сужающей рамки»; индикатор №37 «Выход за рамки общепринятого»**]:

«Судьба обычно переводится на английский язык либо как fate, либо как destiny; но ни один из этих переводов не является точным. Например, название фильма Бондарчука «Судьба человека» (по рассказу Шолохова) было переведено как «The destiny of a man», но на самом деле лучшим переводом было бы «A human life» (букв. «Человеческая жизнь») или «The story of a human life» («История человеческой жизни»). Но если судьба переводится просто как жизнь, теряется нечто важное — точка зрения на жизнь человека, содержащаяся в судьбе и не содержащаяся ни в одном английском слове или выражении.

Для того чтобы до конца прояснить все оттенки смысла этого заглавия, следует добавить: жизнь человека, воспринимаемая с точки зрения русского наивного мировоззрения (folk philosophy). Рассмотрим строки из стихотворения Пастернака «Рассвет»:

Ты значил все в моей судьбе.

Потом пришла война, разруха.

Они были переведены Максом Хэйвордом и Маней Харари следующим образом:

You meant everything in my destiny.

Then came the war, the disaster.

Наверное, лучше было бы употребить слово life, а не destiny: You meant all in my life.

Но опять-таки, имеется в виду не просто «жизнь», а жизнь, рассматриваемая через призму доминантной для русского наивного мировоззрения философии.

В этой связи важно подчеркнуть, что употребление слова судьба для обозначения человеческой жизни характерно не только для поэзии или поэтического настроения. Оно употребляется очень широко, в самых разных ситуациях, от бытового общения до научного доклада. Так, сборнику стихотворений Цветаевой, изданному в Москве в 1965 г., было предпослано научное введение, озаглавленное «Марина Цветаева (Судьба. Характер. Поэзия)». Слово судьба здесь можно было бы перевести как life или biography, вряд ли как fate или destiny. Однако употребление здесь слова судьба выражает характерное русское отношение к жизни.

В русской судьбе на первом плане не столько отрезок существования, границы которого жестко фиксированы, сколько течение жизни, или то, что русские называют жизненным путем. — и в русском языке именно весь этот путь (а не его начальная и конечная точки) рассматривается как предопределенный — не в каждой его детали, а в целом».

Можно отметить знак «минус» по качеству в подчеркнутом (компетентность в зоне негативных событий, принятие данной зоны) [16, с. 383: **индикатор №49 «Ориентация в области негатива»**]. Отсутствие неизбежности в восприятии, гибкость указывают на многомерность функции [16, с. 375: **индикатор №36 «Отказ от „правильности“, сужающей рамки»; индикатор №37 «Выход за рамки общепринятого»**].

«В судьбе заключен намек на то, что человек может ожидать скорее чего-то плохого, чем хорошего, но в то же время это слово представляет жизнь человека скорее как непостижимую (и одновременно неподвластную его контролю), чем как бессмысленную и неизбежно трагическую.

В русском судьба помещает в фокус хорошие или плохие вещи, которые могут с кем-то случиться (в особенности фокусируясь на плохих вещах) вне обязательной связи с действием сверхъестественных сил и без той неизбежности, которая содержится в fate.

Грубо говоря, судьба относится здесь к последовательности значимых событий, которые случаются с чем-либо и не зависят от воли человека — участника ситуации (в данном случае, от того, кто отправил посылку) и которые, весьма вероятно, окажутся плохими.

Слово судьба обозначает все течение человеческой жизни, в то время как прилагательное роковой относится к единичному факту. Судьба не предполагает трагичности всей жизни в целом, хотя в значение этого слова входит ожидание того, что «плохие», «грустные»

и с трудом переносимые события произойдут, и ощущение, что то, как сложится жизнь человека, не зависит от его воли. Напротив, роковой и рок предполагают нечто трагическое.

В описанном ниже восприятии можно предположить блок Δ (судьба) и \blacksquare (жалость, страдание):

«Эта готовность принять и смирение совершенно поразительным образом отражены в употреблении уменьшительно-ласкательного судьбинушка, характерного для фольклорных текстов, и в словосочетаниях типа злая судьбинушка. Это любовное отношение к судьбе, какой бы горькой или жестокой она ни была, напоминает стоическую идею amor fati (любви к судьбе). Марк Аврелий говорил: «Люби лишь то, что приходит к тебе и влетено в ткань твоей судьбы» [1984:115]. Но в стоической версии эта «любовь к судьбе» предполагала неэмоциональное отношение, а все, что было подобно жалости к себе или другим, порицалось. В русском варианте «любовь к судьбе» сопровождается глубокой жалостью и состраданием и, можно даже сказать, любовью к страданиям».

Рассмотрев лингвистический анализ концепта «судьба» в русском языке с соционической точки зрения, мы можем сделать вывод о том, что в ИТИМе русского народа функция Δ находится в блоке Эго (многомерность, ценность), и, возможно, является базовой функцией, имеет знак «минус» и находится в блоке с \blacksquare [14]. Это позволяет предположить, что ИТИМ русского народа — ИЭИ (интуитивно-этический интроверт). Данные выводы соответствуют версии интуитивно-этического интроверта (ИЭИ) в отношении ИТИМа русского народа, которую высказывали А.В. Букалов в работе «Украина и Россия с точки зрения соционики: стратегический диалог» [3] и В.Д. Ермак, Е.Н. Матасова в статье «К вопросу об интегральном ТИМе психики России» [5].

Обратимся теперь к восприятию аналогов судьбы в английском языке.

Концепты «fate», «destiny» в английском языке

Культура Англии

Нижеприведенный анализ показывает, что концепты fate и destiny не являются значимыми, ценными в культуре Англии (в отличие от концепта «судьба» в русской культуре). С соционической точки зрения это может говорить о неценностной функции Δ в ИТИМе Англии (блок Суперэго либо Ид), и о ценностной — в русском:

«Впечатление, что слово судьба в русском языке употребляется гораздо чаще, чем fate — в английском, подтверждается результатами автоматического статистического анализа большого корпуса текстов. В корпусе английских текстов общим объемом в один миллион словоупотреблений Кучера и Фрэнсис отмечают 33 употребления слова fate (и 22 употребления близкого ему слова destiny) [Kucera-Francis 1967]. В то же время в корпусе русских текстов того же объема Засорина отмечает 181 употребление слова судьба [Засорина 1977]. В «Частотном словаре русской лексики» Штайнфельдта [Штайнфельдт 1974] судьбе соответствует показатель 148 (на 400000 словоупотреблений). Соответствующие показатели для рока (2 по данным Засориной и 0 по данным Штайнфельдта) показывают относительно незначительную роль этого концепта по сравнению с судьбой».

В следующих наблюдениях также можно предположить неценностность Δ в английском ИТИМе:

«Картина, которую мы наблюдаем в современном английском языке, самым примечательным образом отличается от того, что мы находим в других, рассмотренных выше европейских языках. Два английских слова, которые нас интересуют, — это fate и destiny. Ни одно из них не употребляется в повседневной речи, подобно судьбе, los, Schicksal, destino и sorte, destin и sort; и то, что в английском языке нет такого общеупотребительного разговорного слова, само по себе удивительно».

В подчеркнутом возможен знак минус по качеству (рассмотрение «fate» как негативных событий) [16, с. 383: **индикатор №49 «Ориентация в области негатива»**]:

«В старом словаре синонимов Чарльза Смита [1903] очень много глубоких наблюдений (и очень обидно, что к нему не обращались современные лексикографы). Цитирую: „Слово fate

редко используется с положительным оттенком смысла, например: «Во время поездок моя fate (судьба) почти всегда сталкивается с задержками».

Обычно люди говорят о fate какого-либо человека, только если его или ее постигает «ужасная судьба» (неизлечимая и страшная болезнь, изнасилование, внезапная смерть в необычных обстоятельствах и т. д.). Можно утверждать, что лишь «избранные» имеют destiny, и лишь особенно несчастливые — fate».

Ниже рассматривается особенность англосаксонского мировоззрения — концепт fate в англосаксонской культуре несет в себе причинно-следственное значение, то есть события понимаются как детерминированные материальными причинами, а не таинственной судьбой. С соционической точки зрения это может говорить о возможной неценности функции Δ , восприятию через логику:

«Fate — детерминистский концепт. Он употребляется по отношению к вещам, которые «случаются», и представляет их неизбежными и необратимыми, неконтролируемыми и предрешенными предшествующими событиями. Однако слово fate в современном английском употреблении не предполагает за событиями некую непостижимую тайну. От этого слова веет английским эмпиризмом и скептицизмом, атмосферой идей Гоббса, Юма и Локка, и оно совершенно органично вписывается в контекст научного дискурса. Так, в библиотечном каталоге мы встречаем, среди прочих, следующие названия книг: Fate of pesticides in the environment (Пестициды в окружающей среде), The fate of fossil fuel CO₂ in the ocean (Что происходит с окаменелым топливом CO₂ в океане). Нельзя представить себе, чтобы слова судьба, los, Schicksal, destino, sorte, destin или sort употреблялись подобным образом. В том же каталоге заглавия, начинающиеся с Schicksal, имеют совершенно иную направленность: Schicksal und Wunder (Рок и чудо); Schicksale und Abenteuer (Судьбы и приключения) и т. п.»

*Фактически, даже заголовок книги Джонатана Шелла [Shell 1982] «The fate of the Earth» вызвал замешательство всех неанглоязычных информантов, которых я просила перевести его, и после долгого мысленного перебора вариантов все предлагали то, что скорее является эквивалентом английского слова future, «будущее», а не fate (Zukunft, l'avenir, l'avvenire и т. п.). Сходное замешательство вызвало следующее английское предложение. The fate (*destiny) of our children is at stake. (We must stop pollution, etc.) На карту поставлена судьба наших детей. (Мы должны прекратить загрязнение окружающей среды и т. п.)*

И в этом случае все информанты в конце концов останавливались на том, что является скорее эквивалентом англ. future, чем каким-либо мыслимым эквивалентом слова fate. Это происходит, я думаю, потому, что, если жизни наших детей мыслятся как детерминированные вполне материальными, вполне понятными причинами, такими как загрязнение окружающей среды, эта перспектива кажется несовместимой с несколько таинственными, метафизическими импликациями таких концептов, как Schicksal, destino или destin. Но в современном английском концепте fate нет ничего метафизического.

Представляется, что на семантическую эволюцию fate оказали воздействие работы таких крупнейших английских философов, как Гоббс, Юм и Локк. Этих мыслителей в первую очередь интересовало и привлекало не предопределение, но детерминизм, а также соотношение между свободой и необходимостью. (Я не хочу сказать, что их работы повлияли на значение таких английских слов, как fate, прямо, но они способствовали созданию определенной интеллектуальной атмосферы и специфически англосаксонского стиля мышления, что отразилось в английской манере выражения и, в конечном счете, в особенностях самого английского языка.)

Что же касается концепта fate, возможно, больше всего на него повлияло отождествление Гоббсом неизбежности с причинным объяснением. «Гоббс имел в виду, что, если действию может быть дано причинное объяснение, это значит, что действие не могло произойти каким-либо иным образом, чем оно произошло. Иными словами, для тех, кто разделял его научный оптимизм, «детерминированность» часто означала неизбежность вместе с объяснимостью через причины».

Явления, произошедшие в английском языке, отражают возможную неценность и маломерность Δ (отсутствие интереса, избегание, негативное восприятие) [16, с. 132: **управляющие эмоции маломерных функций**]:

«В современном английском языке таинственный и антропоцентрический концепт *weird* (рок, проклятие) был вытеснен более прозаическим, принадлежащим этому миру, «объективным» и позитивистским концептом *fate*. Мифологическая *Fate*, которая обычно писалась с большой буквы, сохранилась в литературном языке, но явно имеет функции риторической фигуры и вызывает мифологические аллюзии. Таинственное, антропоцентрическое *weird* получило отрицательные коннотации (ср. современное *weird*, «сверхъестественный, странный») и перестало употребляться как существительное (возможно, вследствие своей чужеродности современному англосаксонскому наивному мировоззрению)».

Приведенные выше фрагменты анализа позволяют предположить, что функция Δ в ИТИМе народа Англии — неценностная, маломерная, имеет знак «минус». Это говорит о ее нахождении в блоке Суперэго [16].

Культура других англоязычных стран. США

На примере американского варианта английского языка мы можем увидеть, как ментальность народа влияет на язык.

Концепт «*destiny*» возник в английской культуре в 12-м веке как синоним «*fate*», имел те же коннотации — неконтролируемость, необратимость, негатив. Это указывает на возможную маломерность функции Δ (ощущение бессилия) [16, с. 132: **управляющие эмоции маломерных функций**] и знак минус (рассмотрение «*destiny*» в первую очередь с негативной стороны) [16, с. 383: **индикатор №49 «Ориентация в области негатива»**]:

«На более ранних этапах истории английского языка *destiny*, как показывают следующие примеры из [OED 1933], рассматривалась как нечто необратимое, неконтролируемое и скорее всего «плохое»:

The common people lamented their miserable destiny (1548).

Простые люди жаловались на свою несчастную судьбу.

The force of ruthless destiny (1781).

Сила безжалостной судьбы».

После распространения в США, концепт «*destiny*» видоизменяется. Теперь он активно употребляется в выражении «*manifest destiny*»:

«*Our manifest destiny is to overspread the continent allotted by Providence for the free development of our yearly multiplying millions (John L. O'Sullivan. United States Magazine and Democratic Review 1845, цит. по [Stevenson 1946:64]).*

Наше явленное предопределение — заселить континент, дарованный нам Провидением для того, чтобы наша миллионная, ежегодно умножающаяся нация свободно развивалась (из редакционной статьи, выражающей несогласие с аннексией Техаса)».

Энергичность, предприимчивость и воодушевление, наблюдаемые в восприятии концепта «*destiny*», указывают на многомерность функции Δ в ИТИМе народа США [16, с. 133–134: **управляющие эмоции многомерных функций**]:

«Новый концепт „*destiny*“, получивший распространение в Америке XVIII века, был отмечен в свое время как новое явление (особенно в выражении „явленное предопределение“). Эмерсон назвал такое употребление „профанным“, в скрытом виде противопоставив его более старому, мифологизированному:

„Это выражение — явленное предопределение — в его профанном употреблении обозначает имеющееся у всех ощущение, что здесь налицо огромная невостребованная энергия и возможности». (Эмерсон. Дневники. Цит. по [Stevenson 1946:64]).

В видоизменении концепта «*destiny*» проявляется плюсовая Δ американского ИТИМа — по свойствам масштаб и качество [16, с. 381: **индикатор №45 «Ограничение (сужение) области компетентности. Локальность»**; с.382: **индикатор №47 «Выбор только позитивной (по качеству) области»**]. Тогда как «*fate*» отражает минусовую Δ английского ИТИМа по свойствам масштаб и качество [16, с. 384: **индикатор №50 «Обобщение»**; с. 383: **индикатор №49 «Ориентация в области негатива»**]:

«Поляризация *destiny* (предназначения/предопределения) (как чего-то хорошего) и *fate* (судьбы) (как чего-то плохого) сопровождалась сужением значения *destiny* до чего-либо предназначения, в то время как *fate* продолжает употребляться для обозначения как судьбы вооб-

ще, так и личной судьбы; но *fate* также все чаще употребляется для обозначения судьбы чего-либо (например, *fate* загрязняющих веществ или пестицидов в окружающей среде).

Возвращаясь теперь к английскому материалу, мы должны отметить, прежде всего, поляризацию *fate* (плохого) и *destiny* (хорошего), которая произошла в современном английском языке, и разделяющую природу этой поляризации (при которой у некоторых людей явно есть *destiny*, а у других *fate*):

*Our destiny (*fate) is to rule the world.*

Наше предназначение (*destiny* /**fate*) — править миром.

*His destiny (*fate) was to become a great leader.*

Его предназначение (*destiny* /**fate*) было стать великим вождем.

*His fate (*destiny) was life imprisonment.*

Ему суждено было (букв., его судьбой было) (*fate* /**destiny*) пожизненное заключение.

*The prisoner was tried in absentia and never even saw the judge who was to determine his fate (*destiny).*

Заключенного судили в его отсутствие, и он даже не видел судьи, который должен был определить его судьбу (*fate* /**destiny*)».

«*Destiny*» предполагает возможность человеческих действий. — «люди могут делать». Это может говорить о многомерности Δ в ИТИМе народа США — уверенность в себе по функции, предприимчивость [16, с. 133–134: **управляющие эмоции многомерных функций**].

Долженствование — «то, что некоторым людям назначено делать (*meant to do*), указывает на наличие параметра норм в ИТИМе американского народа [16, с. 364: **индикатор №26 «Нужно», «Надо», правильность, обязательность, долженствование»**]:

«*Destiny* помещает в фокус то, что люди могут делать (не все, но некоторые из них), а еще точнее то, что некоторым людям назначено делать (*meant to do*)».

В причинах видоизменения концепта «*destiny*» в американской культуре прослеживается влияние ●-ценностей (заселение континента, накопление денег, материальных ценностей с целью обогащения, расширения жизненного пространства). Также можно отметить и появление ценностного аспекта ■:

«Что касается *destiny*, много предположений можно найти в литературе, посвященной пуританству и «духу капитализма». Как указывали Вебер и другие авторы, в пуританскую этику встроена секуляризация, „что отмечал Джон Уэсли, когда писал, что богопочитание ведет к богатству, а богатство — к упадку религии» [Bendix 1977:193].

Богопочитание (пуританского рода) ведет к интенсивной деятельности, интенсивная деятельность ведет к успеху в земной жизни, а успех в земной жизни, полученный благодаря своим собственным усилиям, подрывает взгляд на жизнь как зависимость от непостижимых сверхъестественных сил.

Говоря о духе капитализма, Вебер цитирует „Советы начинающему торговцу» Бенджамина Франклина: „Помни, что время — деньги... Помни, что деньги могут зачинать деньги... Тот, кто бросает на ветер пять шиллингов... убивает... все, что могло быть порождено ими: целые колонны фунтов стерлингов» (цит. по [Fullerton 1959:7]).

Говоря о специфически буржуазной этике, представленной в максимах Франклина, Фуллертон дает следующий комментарий: „Деланье денег перестало быть средством, которым можно заслужить спасение или восславить Бога. Оно стало самоцелью. Пуританство привело к рационализации жизни как призвания. Затем произошла трагедия. Капитализм увидел значение призвания для бизнеса, удалил трансцендентальные, связанные с иным миром мотивы и превратил призвание в работу» [1959:20].

Я полагаю, что эта смена перспективы — с трансцендентальной и потусторонней на мирскую, и эта смена ориентации — с восславления Бога на восславление Я (как того, кто преуспевает в мирских делах) подытожена в изменении значения слова *destiny* (предназначение/предопределение). („Наше явленное предопределение (*manifest destiny*) — заселить континент, дарованный нам Провидением, чтобы наша миллионная, ежегодно умножающаяся нация свободно развивалась»).

На примере концепта «*destiny*» американской версии английского языка мы смогли проследить, как менталитет народа влияет на язык, формирование и восприятие концептов.

Концепт «*destiny*», возникший в английской культуре, изначально был синонимом концепта «*fate*», имел те же коннотации, указывающие на маломерность и знак минус функции Δ . После распространения в США, концепт «*destiny*» видоизменился. Анализ новых коннотаций указывает на знак плюс и возможную многомерность Δ в ИТИМе народа США, а также на ценностность функции \bullet и \blacksquare . Это не противоречит версии логико-интуитивного экстраверта (ЛИЭ) в отношении ИТИМа народа США, которую предложил А.В. Букалов в работе «Интегральный тип информационного метаболизма США»[6].

Концепт *Schicksal* в немецком языке

Немецкий аналог «судьбы» — концепт *Schicksal* имеет оттенок бессмысленности, капризности и непонятности, непостижимости. Это может говорить о маломерности Δ в ИТИМе немецкого народа [16, с. 361: индикатор №20 «„Не знаю”, „не понимаю”, „не очень хорошо разбираюсь” и т. п. Указывают на неуверенность»]. В цитате ниже приводится удачное сравнение с судьбой, которая в представлении русских «знает, что делает». И то, и другое можно назвать фатализмом. Но это разный фатализм: в русском восприятии он сопряжен с тем, что судьба мудрая, что она знает как лучше, и стоит ей доверять, в немецком — что она слепа, непонятна, произвольна, является причиной плохого, внушает страх [16, с. 132: управляющие эмоции маломерных функций; с. 361: индикатор №20 «„Не знаю”, „не понимаю”, „не очень хорошо разбираюсь” и т. п. Указывают на неуверенность»]:

«Schicksal определяет жизнь человека и руководит ею неким абсолютным образом. Неотвратимость Schicksal скорее напоминает бессмысленную и слепую неотвратимость русского рока, чем потенциально бессмысленную непреодолимость судьбы (которую человек может хотеть принять).

Кажется, что судьба знает, что делает (даже когда она использует случай), и ее можно уважать и смиренно почитать. Schicksal, по-видимому, не ведает, что творит, — даже когда он благосклонен к нам, знаки его расположения кажутся капризами, непонятными и полностью лишены смысла. Такие выражения, как eine Laune des Schicksals (причуда Schicksal), ein Wink des Schicksals (кивок Schicksal), свидетельствуют о том, что Schicksal считается капризным и своевольным.

Schicksal отражает представление о непостижимой силе, которая определяет течение человеческой жизни, причем предполагается, что она является причиной того плохого, что случается с людьми, и делает это совершенно произвольным образом. Schicksal считается, как это верно формулируют немецкие словари, jenseitige Macht — таинственной, сверхъестественной, внушающей страх, всемогущей, непредсказуемой и непостижимой силой (подобно непостижимому, тайному решению Бога в лютеровской теологии).

Ниже в сравнении «*Schicksal*» и «судьбы» можно увидеть еще одно подтверждение базовой Δ в русском ИТИМе: судьба — единственно возможный способ восприятия человеческой жизни [16, с. 378: индикатор №40 «=Я, =жизни. Отождествление себя с данным аспектом, либо аспект приравнивается к жизни»]:

«Наконец, следует указать, что у Schicksal нет экзистенциального и эмпирического звучания судьбы, из-за которого судьба практически отождествляется с жизнью. Schicksal — это нечто особое, в то время как судьба и есть сама «материя» человеческого существования, и в русском языке она принята как единственно возможный способ восприятия человеческой жизни (вспомним, что, по Соловьеву, это неоспоримый факт).

Признак «жизнь» реже всего используется по отношению к «*Schicksal*», а наиболее частотным является признак «владение», «*Schicksal*» воспринимается как «вещь / имущество», которым обладает человек. То есть немецкому народу присуще рассмотрение «*Schicksal*» через \bullet , что может указывать на нахождение \bullet в блоке Эго [17]:

«Наиболее частотным понятийным признаком, т. е. чаще встречающимся в словарных дефинициях, в структуре исследуемого концепта отмечен прагматический признак 'посессия'. Концепт SCHICKSAL в немецкой языковой картине мира выступает как 'вещь/имущество', которое человеку предназначено, ему выпадает, достается от Бога. В данном контексте реализуется общая когнитивная модель 'судьба —> имущество'. К наиболее частотным понятийным признакам относятся также теологические признаки, которые формируют когни-

тивную модель 'судьба —> Бог'; антропоморфные признаки, на основе которых выделена когнитивная модель 'судьба —> господин', так как в данном контексте СУДЬБА как 'высшая власть/сила над людьми' в немецкой языковой картине мира ведет себя как живое, одухотворенное существо: СУДЬБА управляет, распоряжается человеком и его жизнью.

Наименее частотными понятийными признаками в структуре исследуемого концепта выделены признаки 'занятий судьбы', которые реализуются с помощью когнитивной модели 'занятие судьбы —> формирование жизни'; признак 'жизнь', который формирует когнитивную модель 'судьба —> жизнь'» [18].

Согласно рассмотренным выше фрагментам анализа, функция Δ в ИТИМе немецкого народа является маломерной функцией.

Таким образом, лингвистический анализ концепта «судьба» и его аналогов в языках разных народов позволил нам сделать выводы о положении функции Δ в ИТИМах русского, английского, американского и немецкого народов. Это подтверждает существующие в соционике гипотезы о связи ментальности народа (и, соответственно, языка как ее отражения) с интегральным ТИМом [2,3,4]. Полученные результаты позволяют рассматривать лингвистический анализ как перспективный инструмент в диагностике интегральных типов информационного метаболизма.

Л и т е р а т у р а :

1. Букалов А.В. Интегральная соционика. Типы коллективов, наций, государств. Этносоционика // Соционика, ментология и психология личности. — 1998. — №5.
2. Букалов А.В. Новая модель этноса и государства. Психоинформационное пространство этноса // Соционика, ментология и психология личности. — 1999. — №5.
3. Букалов А.В. Украина и Россия с точки зрения соционики: стратегический диалог. Рукопись. — 1997.
4. Ермак В.Д. Модели информационного метаболизма психики в исследовании социетальной психики неслучайных групп // Соционика, ментология и психология личности. — 2001. — №4.
5. Ермак В.Д., Матасова Е.Н. К вопросу об интегральном ТИМе психики России // Соционика, ментология и психология личности. — 2000. — №1.
6. Букалов А.В. Интегральный тип информационного метаболизма США // Соционика, ментология и психология личности. — 1998. — №5.
7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 400 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. / Пер. с англ. — М.: Прогресс, Универс, 1993. — 655 с.
9. Whorf B. L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. / Ed. John B. Carroll. — New York: Wiley, 1956.
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. / Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1996. — 412 с.
11. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М., 1999.
12. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
13. Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. — М.: ИНИОН, 1992.
14. Ангелова М.М. «Концепт» в современной лингвокультурологии / М. М. Ангелова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. Вып. 3. — М., 2004. — С. 3-10.
15. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 272 с.
16. Эглит И.М. Определение соционического типа. Самоучитель от А до Я. — М.: Чёрная белка, 2013.
17. Годжаева Н.С. Актуализация концепта SCHICKSAL в немецком языке. Дисс. канд. филол. наук. — Кемерово, 2008. — 173 с.
18. Эглит И.М., Тумольская В.А. Исследование переводов управления в модели А// Соционика, ментология и психология личности. — 2012. — №1.

Об авторе:

ТУМОЛЬСКАЯ Виталина Александровна — компьютерный инженер и психолог, магистр соционики, активный участник исследований, проводимых Школой Системной Соционики. Работает хореографом-постановщиком концертных номеров (направление контемпорари, джаз-модерн)